

МИТРОШЕНКОВ Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления; факультета международных отношений Института бизнеса и делового администрирования; кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84, корп. 8); omitrosh6@mail.ru)

ТЕОРИЯ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА: ИСПОЛЬЗОВАТЬ СЕБЕ ВО БЛАГО

Аннотация. Теория управляемого хаоса воспринимается в России в основном как «злонамеренное изобретение» Запада, используемое им в своих интересах во вред другим странам и народам. Однако она имеет прежде всего научное содержание, опирающееся на достижения синергетики и естественнонаучную теорию хаоса. Это научное содержание может быть использовано для повышения качества управления социальными процессами, социального проектирования, достижения желаемых состояний в различных сегментах общества

Ключевые слова: теория управляемого хаоса, управление, социальное проектирование, аттрактор, социальная технология, самоорганизующаяся критичность, «мягкий сдвиг»

Тема управляемого хаоса появилась в повестке дня отечественного научного и публицистического сообщества, а также политикума в конце 1990-х — начале нулевых годов. Поскольку все импульсы и информация по этой теме исходили от западных источников и авторов, в т.ч. по результатам соответствующих практик, проблема была воспринята настороженно. В существенной степени это было объяснимо, поскольку кому может понравиться ситуация, когда против твоей страны эффективно используют технологии ее разрушения (да еще и не скрывают это)? Среди них идея управляемого хаоса сразу заняла заметное место. Однако вместе с грязной водой, как нередко бывает, выплеснули и здорового ребенка.

Понятие хаоса вовсе не предполагало какого-либо управления и управляемости (ведь это, прежде всего, социальные факторы), поскольку основные исследования осуществлялись в рамках естествознания, для которого подобные феномены и понятия имеют минимальное значение.

Некоторые элементы теории управляемого хаоса (контролируемой нестабильности) изначально разрабатывали Н. Эдридж и С. Гулд на основе идеи о скачкообразной эволюции О. Шиндуолфа (1950). Их работы и некоторые другие труды стали одним из стимулирующих факторов для новаторской работы Р. Тома и выработки способов управления событиями «нелинейной революции» 1970–1980-х гг. в Европе. Элементы теории обкатывались на практике во время «студенческой революции» 1968 г. в Париже. В 1968 г. Д. Шарп защитил в Оксфорде диссертацию на тему «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью», развитие идей которой послужило идейной основой последующих «оранжевых революций» [Сундиев 2013].

Теория управляемого хаоса опирается на ключевые идеи синергетики как междисциплинарного направления исследований, изучающего общие закономерности и принципы, лежащие в основе процессов самоорганизации в открытых системах разной природы. Классиками синергетики признаны И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен, С. Курдюмов и другие ученые.

Во 2-й половине XX в. согласно духу и принципам неклассической и постнеклассической науки И. Пригожин открыл диссипативные структуры, системы, для которых не выполняется условие термодинамического равновесия. Эти системы характеризуются спонтанным появлением сложных, зачастую хаотич-

ных структур. Диссипативные структуры противоречат началам классической механики, однако отвечают принципам теории относительности. Это в очередной раз подтвердило, что мир в огромном числе своих измерений не является однозначно детерминистичным. Тем самым в исследования естественнонаучных процессов было привнесено понятие неравновесности и, соответственно, представление о возможности одновременного сосуществования порядка и беспорядка, т.е. фактически речь шла об энтропии, хаосе.

Новаторство, в частности, И. Пригожина состояло в признании позитивной роли хаоса в физических процессах. Рост энтропии в физических системах открытого характера, согласно И. Пригожину, ведет к разрушению систем, но одновременно открывает новые возможности для их трансформации в соответствии с новыми требованиями среды.

Какой станет система после трансформации, и произойдет ли она – зависит от выбора системой аттрактора – некоего фактора-инварианта, обуславливающего этот выбор и выступающего ориентиром для обозначения пути дальнейшего изменения. Такой выбор происходит в период прохождения системой точки бифуркации. Число возможных путей развития системы в такой точке не сводится к двум (или погибнуть от роста энтропии, или обрести какую-либо другую единственную траекторию развития), а может быть огромным и ограничиваться только числом аттракторов, сформировавшихся (часть из них может быть сформирована целенаправленно) в системе в добифуркационный период ее существования.

Изначально, судя по всему, не преследовалась цель использовать теорию управляемого хаоса кому бы то ни было во вред, она была вне логики «свой – чужой». Созданный в 1984 г. институт в Санта-Фе (США), связываемый с разработкой теории управляемого хаоса применительно к социальной реальности, был именно научным и назывался Институтом сложности. А основала его группа ученых, среди которых – лауреат Нобелевской премии, автор теории кварков М. Гелл-Манн. Цель института – междисциплинарные исследования фундаментальных свойств сложных адаптивных систем, включая физические, математические, биологические и социальные. Более того, важнейшим условием существования этого института стала его аполитичность (впрочем, впоследствии ситуация несколько изменилась).

В компании *IBM* (США) еще в 1970–80-х гг. в модернизационных целях успешно практиковалась контролируемая анархия (почти управляемый хаос) как система управления. Иногда ее именовали корпоративной анархией. Культура перманентных реорганизаций в компании была институционализирована и ориентирована на перманентное изменение, перетасовывание структуры организации, усиление ее или удаление из нее лишнего, предоставление возможности множеству людей расширить свой профессиональный опыт: «подбрасывая в воздух все карты, удается избавиться от “слипаний”, которые неизбежно накапливаются в любой организации, в т.ч. решить проблему выявления сотрудников, достигших уровня собственной некомпетентности... и обеспечить возникновение новых инициатив» [Мерсерер 1991: 191].

Более того, в *IBM* сложился институт фиксеров – специалистов, рассеянных среди служащих компании, имеющих большой опыт работы в ней и настолько гибких и раскованных, что это «граничит даже с неприкрытой циничностью в отношении к жизни внутри ИБМ, часто дополняемой почти “кровожадным” удовольствием от нанесения ударов по системе» [Мерсерер 1991: 176].

Концептуальное содержание теории управляемого хаоса

Как известно, любое знание и технология могут быть использованы как во благо, так и во вред людям. Это обстоятельство распространяется и на теорию

управляемого хаоса, поскольку она в высокой степени технологична и эффективна.

Содержательно теория управляемого хаоса исключительно эвристична и перспективна. Как ни странно, наиболее адекватно ее позитивное содержание сформулировал Стивен Манн, имя которого ассоциируется с практическим и «злонамеренным» использованием теории управляемого хаоса в интересах США по всему миру.

Если коротко, то позитивное содержание теории управляемого хаоса состоит в следующем.

Сложные неравновесные нелинейные системы (общество, человек, культура, экология, история, политика, экономика, духовная жизнь, международные отношения, большинство организаций и многие др.) подчиняются принципу самоорганизующейся критичности. Суть последней в том, что эти системы естественным образом эволюционируют до критической стадии, на которой незначительное событие вызывает цепную реакцию, способную затронуть многие элементы системы.

Механизм, приводящий к незначительным событиям, — тот же, который приводит и к масштабным событиям. Сложные системы никогда не достигают равновесия, а развиваются от одного метастабильного (временного) состояния к другому, в которых о порядке можно говорить очень условно. Ситуация как в любой стране, так и в глобальном масштабе скорее описывается концепцией постоянной критичности. Положение дел в международных отношениях, политике, экономике, экологии сложное, динамичное и постоянно изменяется; здесь действуют много субъектов и игроков. Мир выступает скорее ареной кризиса, в высокой степени хаотичного, нежели пространством порядка.

Возникает вопрос: существуют ли хаос и самоорганизованная критичность в качестве действительных принципов, определяющих поведение сложных открытых систем, или мы имеем дело с ощущениями и метафорами? Вероятнее всего, этот процесс является реальным, а не кажущимся. Действия социальных субъектов, международных игроков являются реальным проявлением хаотической обстановки, и во взаимодействии большого числа таких субъектов и игроков с высокими степенями свободы отчетливо просматривается самоорганизующаяся критичность в страновом, региональном и международном масштабе.

Согласно теории хаоса и представлениям о самоорганизующейся критичности устойчивая (пусть относительно) структура и стабильность находятся внутри самой видимой беспорядочности и нелинейных процессов. Это составляет суть происходящих изменений, и для социальных субъектов и игроков жизненно важно это понимать. Это важно в технологическом смысле (новые принципы ведут к появлению новых технологий), но еще важнее с точки зрения изменения характера концептуальности и стратегичности мышления, которое во многом еще находится во власти классических механицистских представлений о мире (жесткий детерминизм, линейные причинно-следственные ряды и т.д.). Доминирование в мировоззрении и мышлении традиционных объяснительных парадигм в контексте усложняющегося и становящегося непредсказуемым мира ведет к увеличивающимся расхождениям между реальностью и ее пониманием. С. Манн открыто говорит, что мы уже не в состоянии не то что объяснить, но и описать во всей полноте и разнообразии, например, наше международное окружение в традиционных терминах баланса силы, полярности или «сдвига тектонических плит» (например, распад СССР), т.е. в рамках традиционной механицистской картины мира: «Ежедневные заголовки газетных статей неприятно напоминают, насколько свехупрощенными являются эти модели» [Манн 1992].

Если классический подход описывает линейное поведение отдельных объек-

тов, то теория хаоса описывает статистические тенденции большого числа взаимодействующих объектов и факторов.

Эта теория дает новые основы и принципы концептуально-стратегического мышления, что обеспечивает преимущества по всему возможному спектру его применения — в политике, экономике, промышленности, технологиях, международных отношениях, авионавтике, военном деле, разведке, экологии, информационной теории, медицине, метеорологии, криптологии и многом другом. Во всех этих областях оказывается возможным построить математически регулярные модели нелинейных систем, моделировать нестабильные турбулентности, получать новые эффекты, изменять методы, обнаруживать паттерны в несравнимых социальных явлениях (например, уровень цены на хлопок и распределение национального дохода) и т.д.

Теорию хаоса удачно иллюстрируют некоторые метафоры. Так, аналитики *IBM* применяют метафору «песочная куча». Песчинки могут складываться одна к одной до тех пор, пока в результате критического состояния последняя не создаст лавину. Ряд метафор существуют и в политической науке. Так, распространенным является представление международного кризиса в качестве «пороховой бочки». Идея пороховой бочки как взрывоопасного объекта, ожидающего поднесения спички, удачно передает динамическую природу международных отношений.

Иллюстративной является метафора «спелость» применительно к международным переговорам различного характера: некоторые дискуссии и встречи невозможны до тех пор, пока не пройдет определенное время и они не «созреют» (психологически, содержательно, технологически т.д.)¹. Следовательно, ключ к переговорам лежит в определении и эксплуатации этого критического состояния.

Эти возможности теории хаоса позволяют перейти на более высокий уровень ее понимания и, соответственно, от наблюдаемого и неконтролируемого хаоса — к управляемому. Настоящая ценность теории хаоса находится на высшем уровне — в сфере мировоззрения и концептуально-стратегического мышления. Теория хаоса меняет подходы и методы, с помощью которых можно рассматривать весь спектр человеческих взаимодействий, в котором противостояние, война занимают далеко не все пространство.

Международная среда и глобальная политика — убедительный пример хаотической системы. Одно из ключевых понятий теории хаоса — «самоорганизующаяся критичность» — весьма эффективно в качестве средства научного анализа. Оно, напомним, позволяет понять, что большие интерактивные системы в процессе развития постоянно доводят себя до критического состояния, в котором небольшое событие может запустить цепную реакцию, способную привести к катастрофе. Однако все же такие системы производят больше небольших событий, чем катастроф, а цепные реакции всех размеров являются инвариантом динамики. Кроме того, такие системы никогда не достигают равновесия, но, наоборот, эволюционируют от одного метасостояния (т.е. временного состояния) к следующему.

Феномен «самоорганизующейся критичности» показывает огромное число объектов, факторов и субъектов в турбулентно-критическом состоянии, которые неизбежно эволюционируют в сторону временной стабильности после катастро-

¹ Например, переговоры между официальным Киевом и представителями непризнанных пока Донецкой и Луганской народных республик или между сирийским правительством Б. Асада и оппозицией, что весьма актуально в момент написания этой статьи. Когда такие переговоры состоятся — вопрос времени и их созревания. В этот же контекст вписываются еще даже не просматривающиеся на горизонте переговоры между Россией и Японией по вопросу подписания мирного договора.

фической трансформации. И вообще, сама критическая точка зрения на любой хаос является частью объясняемого процесса.

Применительно к любой сфере жизнедеятельности традиционная модель способна привести к переоценке влияния субъекта на события и обесценить все возникающие перед ним возможности. Парадигмы хаоса и критичности, наоборот, освещают диспропорционные эффекты, которые могут спровоцировать небольшие игроки и которые способны привести к неожиданным и нежелательным результатам, если ими (эффектами) не управлять.

Теория хаоса утверждает, что всякие отклонения заложены в природе сложной системы и являются самоорганизующимися, т.е. они производятся самой динамической системой. Сложная система всегда включает в себя факторы, которые толкают ее за пределы стабильности – в турбулентность и переформатирование.

Традиционный механицистский взгляд поощряет искать причины главных изменений в системе во внешних факторах. Согласно теории хаоса, несколько забытой диалектике и ряду других концепций, внутренние факторы трансформации всегда более значимы для системы, нежели внешние. Поэтому всевозможные внешние санкции, падение цен на сырьевые ресурсы не могут оправдать внутреннюю неэффективность сложной системы и низкий уровень управления ею.

В свете сказанного иллюзией оказывается вера в возможность абсолютной стабильности и порядка. В международных отношениях и глобальной политике (как, впрочем, и во всех других сферах) всякая стабильность и порядок преходящи. Международные отношения представляют собой динамическую систему, состоящую из субъектов – государств, союзов, коалиций, наций, религий, политических движений, экологий, – которые сами по себе являются динамическими системами.

Что дает теория хаоса? Она позволяет понять, что целесообразно и вполне реально обеспечить не столько жесткий порядок и стабильность, сколько мягкий (стимулирующий развитие), а не катастрофический (способный разрушить) сдвиг в системе.

Иначе говоря, неразумно ожидать, когда нависшая «снежная лавина» сама свалится в неизвестный момент в неизвестном месте и причинит разрушения. Лучше предупредить этот момент и осознанно-управляемо обрушить ее с минимальными потерями тогда, когда она еще не набрала всей своей силы и опасной непредсказуемости.

Применительно к социальным системам и процессам, международным отношениям и глобальной политике настоящей целью является формирование такого контекста вопросов безопасности, который направлен не столько на достижение жесткого порядка и нерушимости правил, сколько на обеспечение постепенного, а не разрушительного сдвига.

Теория управляемого хаоса предоставляет такие научные основы и возможности, которые позволяют объяснить и понять многочисленные турбулентности и беспорядок в этом мире. Четкое описание того, что нас окружает, дает, в свою очередь, возможность таких стратегий, в которых заложены и учтены интересы разных субъектов, акторов и игроков.

Теория управляемого хаоса в интерпретации С. Манна определяет ряд факторов, формирующих характер критичности: это а) изначальная форма (контуры) системы; б) структура (матрица) системы; в) единство субъектов (акторов) (эффективное единство замедляет нарастание критичности, неэффективное – создает иллюзию того, что переустройство находится под контролем и управлением); г) энергия конфликта индивидуальных акторов (она должна быть снижена).

Учет этих факторов позволяет сделать хаос феноменом, который поддается управлению. Как следствие, теория управляемого хаоса приобретает инструментальный характер.

Четкая репрезентация реальности, которая есть и которую предстоит сформировать, позволяет не просто согласовать цели со средствами, но и связать их со стратегическими вызовами и выработать более дееспособные принципы стратегии, чем та, которой мы пользуемся сейчас. Речь также идет об установлении и понимании факторов, которые обуславливают динамику, что позволит более точно работать над трансформацией любой системы.

Теория управляемого хаоса ориентирует на то, что в турбулентном мире невозможно избежать неразрешимых парадоксов. Пример – ядерное сдерживание: угроза разрушения ради сохранения. Таким образом, теория хаоса представляет собой мощное, сильное интеллектуальное средство, вполне соответствующее современному состоянию науки и позволяющее разработать адекватные ответы на вызовы времени, вести реалистичную политику и существенно отодвинуть в стратегическом мышлении значимых субъектов рецидивы механицистского мышления. Она может быть использована для согласованных превентивных действий в противостоянии негативному развитию событий, общим вызовам и угрозам, для развития всей системы внутригосударственных, региональных и глобальных связей и процессов. Качественный скачок в этом направлении может быть громадным. Для этого необходима единая и позитивная политическая воля, скоординированные действия всего мирового сообщества и ведущих субъектов и игроков.

Однако именно последнее оказывается самым трудным делом.

Теория управляемого хаоса: использовать во благо или во вред?

Авторы теории управляемого хаоса являются представителями западной науки и социальной мысли. Это обстоятельство немедленно отразилось на их интенции перевести эту теорию на уровень технологии и использовать в интересах Запада, прежде всего США, и, соответственно, в ущерб значительной части остального мира, особенно тех, кто подвергает сомнению исключительную субъектность США. Этот факт политической ангажированности особо и не скрывается.

Технологии использования теории управляемого хаоса многократно и в большом объеме описаны в научной и публицистической литературе по всему миру. В России об этом много писали С. Кургинян, А. Дугин, А. Фурсов, А. Неклесса и другие авторы. Теория управляемого хаоса была вставлена в более широкий контекст борьбы Запада со всем остальным миром, психоисторической войны, у истоков которой стояли аналитики ЦРУ еще с конца 1940-х гг. Были выявлены многочисленные центры, которые профессионально разрабатывали не только научные основы теории управляемого хаоса, но и технологическую сторону ее применения: РЭНД Корпорейшн, *Freedom House*, Институт сложности в Санта Фе, Национальный фонд в поддержку демократии и т.д. Политическая и международная практика показала огромные возможности этой теории – распад СССР, ситуация в Ираке, Афганистане, на Ближнем Востоке, «цветные», «оранжевые» и другие революции в Югославии, Тунисе, Алжире, Грузии, Киргизии, Египте, Ливии, Украине, а также феномены Талибана, Аль-Каиды, ИГИЛ (организации запрещены на территории РФ), «Правого сектора» на Украине и т.д.

Во многих этих и других случаях вполне «управляемо» посеян хаос, который затем, однако, стал далеко не управляемым. К слову, издержки этого хаоса нередко обращаются против самих «хаотизаторов», когда он «заходит» в их пространство, не «спрашивая» собственных творцов (террористическая атака на США 11 сентября 2001 г., убийство посла США в Ливии 11 сентября 2012 г., взрыв в Бостоне

при проведении марафона 15 апреля 2013 г., нападение на французский еженедельник *Charlie Hebdo* 7 января 2015 г., террористические акты в Париже в ноябре 2015 г. и т.д.). Огромный поток мигрантов в Европу и связанные с ним эксцессы в Германии, Швеции, Австрии и т.д. – инверсия уже несколько не управляемого хаоса против самих «хаотизаторов».

Откуда взялись резко негативные и нередко преступные практики использования теории управляемого хаоса? Каковы причины такого использования?

Во-первых, повторим, абсолютно любая технология содержит возможности ее использования не только на пользу, но и во вред человеку.

Во-вторых, для поддержания прежнего выгодного для себя статус-кво Западу, и особенно США, уже не хватает прежних средств и возможностей, особенно военно-силовых. Увы, «никогда не взойдет Солнце с запада!» Ноша мирового полицейского стала неподъемной. Базы по всему миру содержать дорого, воевать и терять солдат и офицеров не хочется – электорат не поймет. К тому же есть субъекты и игроки, которые в экономическом и военном отношении составляют самую серьезную конкуренцию, – Китай, Россия, Индия. Есть и другие страны и силы, которых устройство мира с гегемонией Запада не устраивает. Поэтому такое устройство постоянно подвергается испытанию, и Запад прекрасно это осознает.

Чтобы сохранить свое преимущественное положение, Западу и его лидеру – США необходимо действовать на опережение, использовать не только военно-силовые подходы – на это может не хватить сил и средств, – но и новые методы, в т.ч. теорию управляемого хаоса. Те, кто послушны и лояльны по отношению к США, не имеют мужества «пользоваться своим умом» (И. Кант) и отвечают на каждый пинок поклоном, могут рассчитывать на относительно спокойное существование, хотя бы и ценой разрушения конкурентоспособных отраслей экономики, утраты возможности проводить независимую политику.

Атака хаосом проводится на тех, кто: 1) проводит независимую политику и составляет Западу и США серьезную конкуренцию; 2) располагает значимыми сырьевыми ресурсами; 3) занимает выгодное геополитическое положение. Соответственно, США нуждаются в строительстве опорных площадок для системы управления турбулентными процессами на планете, которая практически уже пришла на смену прежней структуре международных связей (сегодня такими площадками являются Афганистан, Ирак, Ближний Восток, особенно Сирия, Северная Африка, Украина). Такая система становится глобальной, ее характерные черты – динамичность, гибкость, нестационарность.

Таким образом, желание Запада сохранить свое выгодное и преимущественное положение в мире – главная причина и направление использования теории управляемого хаоса.

Для легкого камуфляжа используется доктрина «прав человека», распространения в мире «демократии как власти народа» и ее непреходящих ценностей. Фактически в стране-реципиенте инициируется раскол и междуусобица, формируются прозападные и антигосударственные центры влияния, вливаются деньги (огромные, но все равно меньшие, чем если бы пришлось воевать), работают враждебные СМИ. В обстановке такого «управляемого хаоса» под флагом «демократии» совершается «оранжевая» или «цветная» революция, к власти проводится прозападное правительство. Неизбежные жертвы среди мирного населения при этом инициаторов не интересуют.

В технологическом плане управляемый хаос зиждется на 4 принципах, выведенных центрами, которые этим занимаются (РЭНД Корпорейшн, *Freedom House*, Институт сложности в Санта Фе и другие глобальные организации): это 1) использование последних технологий (Интернет, мобильные телефоны, соци-

альные сети) и мобильных инициативных групп, экспрессивный и скоротечный характер действий; 2) объединение усилий всех оппозиционных сил против режима и персонально против его лидера; 3) формирование «агентов влияния», в т.ч. в силовых структурах и госаппарате, которые, стремясь к деньгам, власти, или под угрозой международного трибунала могут обеспечить смену режима; 4) формирование стихийных «безлидерских» движений, объединяющих представителей разных слоев населения, недовольных властью. В назначенный день они выводятся на улицы для участия в массовых акциях.

Технология управляемого хаоса оказывается весьма эффективной; с ее помощью можно превентивно регулировать негативное развитие событий. Но — только в интересах США и Запада в целом. Хотя есть признаки того, что эту технологию способны использовать и геополитические соперники США.

Обратной стороной использования управляемого хаоса в интересах США становится умножение числа неурегулированных конфликтов по всему миру, хаотизация системы международных отношений, вакуум права. В результате в мировой политике появляются новые игроки, для которых существующие институты публичной политики и демократии утрачивают прежнее значение. Однако такое умножение числа новых акторов мировой политики для США выгодно, поскольку их практическая незначительность по сравнению с США позволяет проводить древнюю политику: «разделяй и властвуй», сеять между ними раздоры, играть на противоречиях, обращать в своих союзников, наказывать отступников и т.д.

Для всего остального мира технология управляемого хаоса оказывается преимущественно деструктивной.

Какие выводы следуют из сказанного?

Для большинства российских исследователей и политиков факт действительной политической ангажированности авторов теории управляемого хаоса, в частности С. Манна, оказался настолько значимым, что за их возмущенными реакциями оказалось скрытым ее научно-эвристическое содержание и объяснительные возможности.

Вместо того, чтобы максимально объективно взглянуть на эту теорию как на средство, способное содействовать качественному улучшению государственного и вообще любого управления в стране и решению множества внутренних и внешних проблем, она была воспринята как очередное «дьявольское» и «злокозненное» изобретение, технология, созданная в недрах госдепартамента и ЦРУ США для эффективного противодействия их геополитическим противникам. В значительной мере так оно и есть. Однако практически не было принято во внимание, что теория управляемого хаоса является прежде всего теорией, а уж затем — программой конкретных действий.

И это при том, что усилиями философа В. Степина и других исследователей в отечественном научном сообществе утвердилась концепция неклассической и постнеклассической науки, которые, не отменяя классической науки, принципиально отличаются от нее своими онтологией, эпистемологией, методологией и, казалось бы, недвусмысленно говорят о сложности, нелинейности, неравновесности этого мира и его процессов. Однако, как и во всей отечественной действительности, эта концепция фактически не вышла за рамки наук, например в политику, экономику, военную мысль, другие сегменты отечественной культуры и практики, либо вышла довольно ограниченно и случайно. Это и сказалось на подобном же восприятии методологически близкой ей теории управляемого хаоса.

Истинна эта теория или ошибочна — другой вопрос. Трудность в том, что практически никто в России не размышляет над тем, насколько управление в совре-

менном мире может осуществляться посредством «гомеопатического» усиления хаоса (энтропии) для обеспечения «мягкого сдвига» в системе.

Теория управляемого хаоса далеко не безупречна (это в принципе невозможно), однако научный потенциал в ней заложен огромный. Но в России он осознан слабо. Понято лишь, что Запад с помощью «управляемого хаоса», «мягкой силы», «гибридных войн» угрожает России. Это в высокой степени так; и то, что авторы теории готовы размышлять и действовать таким образом, чтобы эта теория была преобразована в эффективную технологию и проносила пользу США, Западу в целом и наносила вред их оппонентам, не может вызывать благодушное настроение и приятное выражение лица. Но это не все содержание теории управляемого хаоса. Важнее другое – то, что феномен управляемого хаоса отражает природу социального и может быть поставлен ему на службу в интересах общества и людей. С. Манн предлагает «изменить метод, который мы используем для осмысления стратегии» [Манн 1992].

То, что С. Манн и другие западные исследователи фактически проделали теоретическую работу, которую могли бы проделать отечественные ученые, и это сделало бы им честь (потому что работало бы на страну), отчасти можно считать благом для России, поскольку, во-первых, у них (авторов теории) с языка сорвалось и нам стало известно то, о чем можно было бы и помолчать, раз уж это столь эффективная технология, а во-вторых, благодаря этому мы в очередной раз можем срезать исторические углы и противостоять сопернику с помощью его же собственного оружия, если, конечно, сумеем извлечь уроки и быстро придем к выводам, которые из них следуют. Хаос относится ко всему спектру человеческих взаимодействий, в котором противостояние и война занимают лишь его часть и не составляют всей сути теории управляемого хаоса. А вот вся социальная среда и ее сегменты являются очевидными примерами хаотических систем.

Поэтому теорию управляемого хаоса следует просто взять и использовать в отечественной практике, как до этого взяли другие западные социальные теории и практики (марксизм, либерализм, теорию постиндустриального общества, попкультуру, джаз, постмодернизм, футбол, пляжный футбол, где добились выдающихся результатов, став чемпионами мира, социологические исследования, политехнологии, «гибридные войны» и т.д.), не слишком комплексуя по этому поводу, хотя подчас это и весьма драматично.

Использование Западом синергетических моделей против России не должно служить оправданием низкого качества управления в стране на всех уровнях, удручающих провалов в работе тех людей, которые берутся управлять чем-либо, не имея к этому ни малейших предпосылок (ситуация, предельно широко и масштабно распространенная в России).

На теорию следует отвечать концептуально, а не сваливать вину за политические неудачи и глупости на И. Пригожина, И. Стенгерс, Г. Хакена, С. Манна, США, глобальный управляющий класс, закулисы и т.д. Теорию управляемого хаоса можно критиковать, но, поскольку она очевидно трансформируется в технологию, ее надо использовать в своих интересах как внутри страны, так и в международных отношениях и глобальной политике.

Список литературы

Манн С. 1992. Теория хаоса и стратегическое мышление. Доступ: <http://spkurdyumov.ru/what/mann> (проверено 31.01.2016).

Мерсерер Д. 1991. *ИБМ: управление в самой преуспевающей корпорации мира*. М.: Прогресс. 456 с.

Сундиев И. 2013. «Управляемый хаос». Социальные технологии в массовых беспорядках. – *Свободная мысль*. № 4.

MITROSHENKOV Oleg Aleksandrovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Chair of UNESCO; Professor of the Faculty of International Relations; Professor of the Chair of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (bld. 8, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; omitrosh6@mail.ru)

THEORY OF CONTROLLED CHAOS: USE FOR YOUR ADVANTAGES

Abstract. *The theory of controlled chaos is perceived in Russia mainly as a malicious invention of the West, used by it in its own interests and to detriment of other countries and peoples. However, this theory has primarily a scientific content, based on the achievements of synergetics and the natural science theory of chaos. This scientific content can be used to improve the quality of management of social processes, social design, and achievement of desired states in various segments of society.*

Keywords: *theory of controlled chaos, management, social design, attractor, social technology, self-organizing criticality, soft shift*